

Жанна Куат

12+

К югу от зелёных холмов

Приключение

Москва, 2021

УДК 82-831
ББК 84(2=411.2)6-445.5
К88

Куат, Жанна.

К88 К югу от зелёных холмов: приключение / Ж. Куат. —
Москва: Издательский и книготорговый
холдинг «Новая Страна», 2021. — 420 с.
ISBN 978-5-907322-44-8

Все персонажи и события вымышленные, все совпадения случайны.

«Книга посвящается Алимкуловой Данжан — моей первой учительнице, подарившей веру в себя.

Особая благодарность моему мужу Марату. Без твоей поддержки я бы никогда не решилась на публикацию. Сыновьям — Арлану и Алану. Вы вдохновляете меня быть лучшей версией себя!

А также главному редактору — Алле Викторовне Иванниковой (Дементьевой) — и моим родителям».

ISBN 978-5-907322-44-8

УДК 82-831
ББК 84(2=411.2)6-445.5

© Куат Ж., текст, 2021
© Издательский и книготорговый холдинг
«Новая Страна», издание, 2021

Введение

Книга «К югу от зелёных холмов» не только о взрослении, юности и первой любви. Она ещё и о разительных контрастах между замками и трущобами, о размытых границах добра и зла, о том, как далеко можно зайти, пытаясь узнать правду о себе.

Макс — единственный сын главы преступного мира. С детства его с матерью перевозили из страны в страну, меняя имена, документы и внешности, пока отец строил свою империю и вел беспощадную войну с другими группировками за ресурсы, оставшиеся после развала СССР. К концу 90-х, достигнув шаткого мира, он первым делом перевозит к себе семью в роскошное имение на зелёных холмах. Начинается новый этап в жизни мальчика — знакомство с отцом, новым домом, новыми порядками. И пока они наслаждаются семейной идиллией, власти разворачивают масштабную кампанию по борьбе с преступностью, а конкуренты готовят новый удар...

Как долго продлится хрупкий мир?

Как живут люди за пределами их строго охраняемого замка?

Глава 1

К десяти годам я успел пожить в восьми странах, сменил одиннадцать имён и мог свободно изъясняться на шести языках.

За два месяца до моего одиннадцатого дня рождения мы с мамой снова собирали чемоданы — их у нас было три. Самый большой из них — красный, немного потёртый по краям и постепенно теряющий свою яркость, но настолько большой, что, когда мы играли с Эмре в прятки, я мог спокойно в нём улежаться. Во время переездов мама складывала туда все свои красивые платья, платки и несколько пар туфель, обернутых в полиэтиленовые пакеты. Затем меж плотно сложенных стопок одежд она размещала шесть хрустальных бокалов и две салатницы. Мама очень бережно относилась к ним, в отличие от остальной посуды — те, наспех завернутые рваными газетными страницами, тесно ютились в чёрном чемодане, на котором потом красовалась наклейка с изображением рюмки. А третий чемодан — синий — предназначался моим вещам, игрушкам и книгам.

У меня был ещё рюкзак, с которым я ходил в школу, а во время поездок использовал как ручную кладь — носил в нём всё необходимое в дороге: бумажные салфетки, зубную щётку, тёплую толстовку, запасные носки, нижнее бельё и одну любимую книгу. На этот раз я положил «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери.

— Макс, собирайся быстрее, нам скоро ехать! — сказала мама, сокрушаясь над моей нерасторопностью.

— Хорошо.

Выбрал в дорогу чёрную толстовку с капюшоном и одним большим карманом спереди посередине.

Мама, как всегда в такие дни, суежилась и бесконечно ходила из кухни в спальню, потом обратно, проверяя, всё ли мы взяли с собой.

Красный чемодан почти наполнился одеждой, но сверху ещё оставалось немного места, куда можно было при желании утрамбовать утюг или кофейник, может, даже и то, и другое. Но мы не перевозили с собой ничего из бытовой техники, не говоря уже о моей любимой подушке из верблюжьей шерсти, заботливо наполненной Фатимой ханум. Каждый раз на новом месте мы въезжаем в новую меблированную квартиру. Ну, или почти новую...

Я посмотрел в окно, оно выходило на палисадник и детскую площадку, где я обычно играл в шашки с нашим соседом — Кадер беем — в тени яблоневого дерева или с его внуком Эмре.

Эмре — первый человек, с которым я познакомился, когда мы с мамой только переехали в Турцию. Мы учились в одной школе, в одном классе. Перед глазами пронеслись столько весёлых моментов, проведённых вместе, и мне вдруг стало невыносимо тоскливо, настолько, что к горлу подступил комок. Я прокашлялся и шумно втянул воздух, чтобы не заплакать.

Каждый раз одно и то же: стоит только по-настоящему подружиться с кем-то или только начнёшь привыкать к новой школе и более или менее понимать чужой язык, как мы снова собираем все три чемодана и уезжаем в неизвестность. А там — всё по-новой.

— Ты попрощался с друзьями? — крикнула мама откуда-то из ванной. — Иди, пока ещё есть время.

— Нет.

— Ну иди, если собрал свои вещи. Когда приедут за нами, я тебя позову.

В этом не было необходимости: наш П-образный двор имел только одну свободную арку для проезда машин, и, если бы приехали за нами, я увидел бы это раньше, чем мама.

— Я не хочу.

Мама наполовину показалась за дверью ванной комнаты и удивлённо подняла левую бровь — она так делает всегда,

когда хочет узнать от меня что-то очень важное, например, почему я прогулял уроки или нравится ли мне одноклассница Мелек.

— Чего именно не хочешь? Уезжать?

— Нет, прощаться.

— Почему?

Опять предательский комок подкатил к горлу. Я опустил глаза, чтобы мама не заметила, как из них вот-вот брызнут слёзы — их быстрым морганием уже не скроешь. Я держал правую руку в кармане брюк и через тонкую ткань схватил большим и указательным пальцами небольшой участок бедра и что есть силы ущипнул. Это мой проверенный метод — боль в ноге немного поможет отвлечься от боли внутри и позволит вернуть не дрожащий голос.

— Потому что это грустно.

«Справился, молодец!» — молча похвалил сам себя.

Теперь мама оказалась полностью и, отбросив пакет в сторону, подошла ко мне и обняла со всей нежностью.

Я ещё раз ущипнул себя.

— Обещаю тебе, правда, клянусь, это последний наш переезд. Отныне мы будем жить в большом и просторном доме. И знаешь что? Как только мы окажемся там — я первым делом выкину все чемоданы!

Я резко поднял голову и взглянул на маму: пара её каштановых прядей выбилась из пучка и защекотала мне лицо. Стараясь не обращать внимания на это, я продолжал пристально смотреть — льющиеся из окна лучи заката золотистыми искорками плясали в её карих глазах, румянец на щеках стал ярче, а губы растянулись в широкой, полной уверенности улыбке. Да, пожалуй, она не врёт. Мама снова обняла меня и поцеловала в макушку. Тогда-то мы и услышали два коротких сигнала, и от неожиданности я даже дёрнулся.

— О, вот и приехали! — радостно воскликнула мама и выглянула из окна. Я неохотно последовал за ней.

Чёрный автомобиль остановился возле той самой яблони, в тени которой отдыхал Кадер бей. Открылась водительская дверь, и показалась голова Андрея — угрюмого высокого типа с непривычными для этой местности светлыми волосами и бровями, почти полностью закрывающие его веки и вечно сдвинутые на переносице. Одет он был, как и всегда, во всё чёрное. Следом за ним из пассажирского салона вышел Ерден — низкого роста, щуплый, смуглый мужчина с маленькими чёрными глазами. Он был в белой футболке и брюках голубого цвета. Эту парочку не заметить было сложно.

Андрей направился в наш подъезд, а Ерден — к Кадер бею. Как полагается в восточных странах (а я побывал в трёх из них), тот, кто моложе, протягивает обе руки в приветственном рукопожатии более старшему.

— Assalamu aleikum, baba!

— Uaaleikum assalam, olum!

Из нашего открытого окна на втором этаже можно было услышать их разговор вполне отчётливо. Ерден спрашивал Кадер бея о его здоровье, о родственниках в Измире, о делах маленькой чайханы, расположенной прямо за углом, куда он с Фатимой ханум навещается лишь по вечерам, чтобы снять вырубку. Кадер бей жаловался на жару и на повышение цен. Ерден понимающе кивал, рассевшись рядом с ним на скамью. Со стороны казалось, будто это оживлённая беседа старых знакомых, хотя они виделись лишь пару раз до этого. Этот Ерден кого угодно заболтает. Станный он. Андрей тоже.

Только подумал о нём, как отворилась наша входная дверь и в прихожую протиснулась белобрысая голова. Поздоровавшись с мамой, Андрей обратил свой взор на меня. Я подошёл к нему и, протянув обе руки, произнёс:

— Ассаламуалейкум!

Его брови поднялись чуть выше, и бесцветные глаза удивлённо уставились на меня.

Тут-то я вспомнил, что Андрей европеец, и с ним необязательно было таким образом здороваться, мог бы просто обойтись русским «здравствуйте». Густая краска прилила к щекам, я стоял, смущённый и растерянный, не зная, куда деть руки. Неожиданно Андрей ответил мне крепким рукопожатием:

— Ну, привет, малой!

Затем повернулся к моей маме:

— Свет, а сын твой совсем уже турком стал, нет?

Мама улыбнулась и оставила его вопрос без ответа, быстро собирая последние мелочи в сумку.

— Возьми чёрный чемодан, аккуратно только...

— ...Там посуда, я знаю, — закончил за неё фразу Андрей.

— А мы с Максом вдвоём понесём синий, за красным вы с Ерденом вернётесь, наверное, он тут самый тяжёлый.

Андрей уже взял было чёрный чемодан, но неожиданно второй рукой схватил ручку красного чемодана, и не без усилий потащил к двери.

Мне это не понравилось. Андрей однозначно старался произвести впечатление на мою маму.

Я ведь тоже мужчина, и такие вещи я замечаю сразу. Сам недавно помогал Мелек на temizlik — субботнике в школе, когда нужно было принести два ведра воды в рощу рядом со стадионом для полива деревьев. Она дала мне одно ведро, а второе хотела дать Эмре, но я взял оба. Спиной чувствовал удивлённый взгляд Мелек и предвкушал её восхищение, когда принесу полные ведра воды, не пролив ни капельки по пути (что на деле оказалось не так уж и просто). То же самое делал сейчас Андрей, пытаясь за раз унести два огромных чемодана.

Я с опаской посмотрел на маму и, увидев, как она сосредоточенно начищает свои туфли на низком каблуке, вздохнул спокойно. Про себя злорадно хихикнул и выглянул в окно. Несчастный Андрей ещё не вышел. Ещё бы, с таким-то грузом.

— Ты что такой довольный?

Голос мамы вернул меня к действительности.

— Бери свою сумку, пошли.

Закинув рюкзак за спину, я начал обуваться. Мама закрыла окно и взяла маленькую сумку в одну руку, а второй рукой взялась за синий чемодан.

— Мам, дай, я сам.

— Бери с другой стороны, вдвоём понесём.

— Мам, я сам! Я уже взрослый.

Я не собирался отступать.

У мамы второй раз за сегодня вопросительно поднялась левая бровь, но удивление быстро сменилось снисходительной улыбкой, и она поставила чемодан на пол. Я с трудом потащил его к двери, как Андрей несколько минут назад.

Мама заперла дверь. Минуя пару лестничных пролётов, мы вышли во двор. Ерден уже сидел в машине, а Андрей взял мой чемодан с рюкзаком и устроил их в салоне, у наших ног. Мама взяла меня за руку и направилась к Кадер бею.

— Gidiyorsun, kizim?

— Evet, Kader bey...

— Mutlu yolculuk, kizim. Bizi unutma.

Мама закивала головой и вручила ему ключи от нашей квартиры:

— Tesecur ederim!

Кадер бей по-отечески обнял маму, затем и меня. Я прокусил язык, чтобы не зарыдать в голос, тем более когда за нами наблюдает этот Андрей. Во рту чувствовался привкус железа, а, стало быть, я прокусил его до крови.

У окна второго этажа показалась Фатима ханум. Увидев нас, она вышла во двор с графином воды в руках. Попрощавшись с ней, мы с мамой сели в машину. Андрей развернул автомобиль, чтобы выехать со двора, и Фатима ханум, вытирая слёзы уголками платка, вылила за нами воду на дорогу — на счастье по турецким традициям.

Я посмотрел назад — из соседнего подъезда выбежал Эмре. Он смотрел, как мы выехали из арки и слились с сотней дру-

гих машин на большой улице. По моей щеке пробежала слеза, мелькнуло позднее понимание того, что надо было всё-таки попрощаться.

Наверное, он теперь сядет с Мелек за одну парту вместо меня. Интересно, как она отреагирует на мой отъезд? Будет ли ей грустно? Я надеялся, что да.

Машина сделала крутой поворот, и наш дом, наш дружный, весёлый двор исчез из поля зрения. Солнце почти село. Длинная чередá машин растянулась до горизонта. Впереди снова была неизвестность.